

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Пекшен Д. Реализм и конструктивизм в отношениях между Турцией и Фанарским Патриархатом: безопасность, идентичность и нормативные конфликты // Мировая политика. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8671.2025.3.75573 EDN: REDAGG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75573

Реализм и конструктивизм в отношениях между Турцией и Фанарским Патриархатом: безопасность, идентичность и нормативные конфликты

Пекшен Джелал

ORCID: 0000-0003-3531-2373

аспирант; кафедра Сравнительная политология; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ celalpeksen@yandex.com

[Статья из рубрики "История международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2025.3.75573

EDN:

REDAGG

Дата направления статьи в редакцию:

13-08-2025

Дата публикации:

20-08-2025

Аннотация: Предметом исследования является анализ отношений между Турцией и Фанарским греческим патриархатом в контексте международных теорий – реализма и конструктивизма. Объектом исследования выступают политико-правовые и идейные основы взаимодействия сторон, формировавшиеся под влиянием исторической памяти, нормативных дискурсов и соображений безопасности. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как восприятие Патриархата Турцией в качестве угрозы национальному суверенитету, его притязания на «экуменический» статус и международное признание, а также роль США, Европейского союза и Греции в поддержке этих притязаний. Особое внимание уделяется тому, как реализм объясняет защитные рефлексy Турции через призму безопасности и баланса сил, а конструктивизм

раскрывает процессы формирования идентичности и легитимации дискурсов. В совокупности работа демонстрирует многослойность проблемы, находящейся на пересечении борьбы за власть, нормативных конфликтов и идентичностных противоречий. Методология исследования основана на сравнительном теоретическом анализе реализма и конструктивизма, дискурсивном подходе и учёте исторической памяти. Используются примеры, такие как Лозаннский договор, закрытие Халкинской богословской школы и международные отчёты, чтобы выявить взаимосвязь безопасности, идентичности и норм. Основными выводами проведенного исследования являются выявление взаимосвязи между вопросами безопасности, идентичности и международного нормативного давления в отношениях между Турцией и Фанарским патриархатом. Особым вкладом автора в исследование темы является применение одновременно реалистической и конструктивистской перспектив, что позволяет показать ограниченность одномерных объяснений и необходимость теоретического плюрализма. Новизна исследования заключается в том, что проблема Патриархата рассматривается не только как религиозный или юридический вопрос, но и как многослойное явление, включающее в себя историческую память, конструирование национальной идентичности и нормативные дискурсы. В работе подчеркивается, что реализм объясняет стремление Турции к сохранению статус-кво, а конструктивизм раскрывает механизмы легитимации этого статус-кво через нормы и идентичность. Таким образом, исследование вносит вклад в более глубокое понимание роли религиозных институтов в международных отношениях.

Ключевые слова:

Реализм, Конструктивизм, Безопасность, Идентичность, Нормы, Турция, Фанарский Патриархат, Суверенитет, Халкинская богословская школа, Международные отношения

Введение

Теоретические дискуссии, направленные на объяснение поведения государств в области международных отношений, сформировались на основе предпосылок, выдвигаемых различными парадигмами. Реализм утверждает, что для сохранения своего существования в условиях анархической природы международной системы государства уделяют основное внимание вопросам безопасности, суверенитета и баланса сил. В свою очередь, конструктивизм подчёркивает, что интересы и восприятие угроз государствами определяются не только материальными условиями, но и постоянно воспроизводятся посредством идентичностей, норм и дискурсов. Различие между этими двумя подходами заключается в том, можно ли свести международную политику только к борьбе за власть или следует учитывать процессы социального конструирования.

Отношения между Турцией и Фанарским Патриархатом представляют собой чрезвычайно показательный пример, позволяющий проверить объяснительную силу этих двух теоретических рамок. Историческое наследие, унаследованное Патриархатом от Византии, его претензии на экуменизм и поддержка со стороны международных акторов (США, Европейский союз, Греция), а также приоритеты Анкары с момента основания Республики в области суверенитета, безопасности и светскости показывают, что этот вопрос формируется не только в контексте религиозных свобод, но и на геополитическом и идентичностном уровнях.

В последние годы Османской империи Патриархат, связанный с националистическими

восстаниями и рассматриваемый как инструмент внешнего вмешательства, в период Республики также воспринимался с аналогичной точки зрения безопасности; эта историческая преемственность сыграла решающую роль в переносе данного вопроса в современность.

Действительно, притязания Фанарского Патриархата на «экуменический» статус с точки зрения Турции воспринимаются не только как спор о религиозной власти, но и как прямой вызов национальному суверенитету и унитарному устройству государства. В этом контексте реализм выявляет экзистенциальные опасения государств, их рефлекс защиты статус-кво и логику борьбы за власть, а конструктивизм подчёркивает, что определение Фанарского Патриархата Турцией как «местного религиозного учреждения» на самом деле основано на процессе воспроизводства понимания секуляризма и национальной идентичности. Другими словами, реализм объясняет, почему Турция стремится сохранить статус-кво, а конструктивизм показывает, через какую историческую память, конструирование идентичности и нормативные дискурсы этот статус-кво легитимируется.

В этом контексте закрытие Халкинской богословской школы, критика в докладах Европейского союза о прогрессе, отчёты США о свободе вероисповедания и поиски Фанарским Патриархатом международной идентичности представляют собой конкретные проявления того, как взаимосвязаны вопросы безопасности, идентичности и нормативного давления. Таким образом, отношения между Турцией и Фанарским Патриархатом являются слишком многослойными, чтобы их можно было объяснить в одномерных рамках. Этот вопрос, находящийся на пересечении борьбы за власть и интересов, а также конфликтов идентичности и нормативных противоречий, демонстрирует важность теоретического плюрализма в дисциплине международных отношений.

Данная работа направлена на изучение отношений между Турцией и Фанарским Патриархатом с точки зрения реализма и конструктивизма, а также на обсуждение того, как вопросы безопасности, формирование идентичности и международное нормативное давление взаимосвязаны друг с другом.

1. 1. Спор между реализмом и конструктивизмом

1.1.Объяснительная сила реализма: власть, интересы и господство

В дисциплине международных отношений реализм считается одним из наиболее влиятельных подходов к пониманию поведения государств. Реализм основывается на предпосылке об анархической природе международной системы. Иными словами, не существует центральной власти, которая могла бы установить свой авторитет над государствами. Эта ситуация вынуждает государства постоянно находиться в состоянии готовности, чтобы обеспечить свою безопасность и защитить свои интересы. Таким образом, государства вступают в борьбу за власть как на военном, так и на дипломатическом уровне.

Согласно реалистической теории, забота о безопасности является основной мотивацией существования государств. Суверенитет и баланс сил выступают ключевыми факторами, определяющими процессы принятия решений государствами. Политика Турции в отношении Фанарского Патриархата также приобретает смысл, если рассматривать её с этой точки зрения. Вопрос о Патриархате — это не только дискуссия о реализации религиозных свобод, но и проявление рефлексов Турции в области безопасности и чувствительности к вопросам суверенитета.

Восприятие Турцией Патриархата в контексте безопасности и суверенитета уходит своими корнями в последние десятилетия Османской империи. В XIX веке, особенно в ходе греческого движения за независимость, связь Патриархата с националистическими восстаниями и его использование в качестве инструмента вмешательства России и западных держав привели к тому, что османское правительство стало рассматривать Патриархат не только как религиозного, но и как политического актора. Этот исторический опыт закрепил восприятие Патриархата как «угрозы, связанной с внешним вмешательством», и был унаследован официальным дискурсом Турции в период Республики. Таким образом, предусмотренный реализмом рефлекс безопасности был передан от Османской империи к современной Турции в рамках исторической преемственности.

Один из основателей реализма, Ганс Моргентау, считал, что основой международной политики является неизменная черта человеческой природы — стремление к власти. По его мнению, международные отношения, как и другие сферы общественной жизни, подчиняются объективным законам, укоренённым в человеческой природе. Моргентау объяснял свой подход тем, что политика подчиняется именно этим объективным законам и отмечал, что для развития общества необходимо прежде всего понять их [\[1, с. 4\]](#). Такая точка зрения демонстрирует, что международная политика формируется не идеалистическими ожиданиями, а динамикой, вытекающей из конфликтного характера человеческой природы.

Ганс Моргентау определял понятие «интереса», занимающее центральное место в реалистической теории, через призму силы. По его мнению, наиболее важным признаком, позволяющим реалистическому подходу занять своё место в сложной природе международной политики, является определение интереса на основе категории силы [\[1, с. 5\]](#). Такой акцент показывает, что поведение государств следует оценивать не столько с моральной или идеологической точки зрения, сколько в контексте соотношения сил.

Эта позиция находит своё выражение в отказе Турции, основанном на Лозаннском договоре, признать «экуменический» статус Фанарского Патриархата. Анкара оправдывает этот отказ не столько религиозными соображениями, сколько рефлексом защиты своих суверенных прав, тем самым определяя национальные интересы через баланс сил — так, как предсказывал Моргентау. Статьи Лозаннского мирного договора, касающиеся меньшинств, при рассмотрении вместе с протоколами заседаний показывают, что Патриархат не имеет больших полномочий или прав, чем любая церковь или синагога, принадлежащая национальным меньшинствам [\[2, с. 4\]](#).

С этой точки зрения политика Турции в отношении Фанарского Патриархата не ограничивается лишь дискуссией о религиозных свободах или правах меньшинств. Напротив, притязания Патриархата на экуменизм и стремление к международному статусу воспринимаются Анкарой как угроза, непосредственно затрагивающая национальные интересы и способная привести к изменению существующего баланса сил. Эта ситуация показывает, насколько принцип реализма — «определение интересов на основе силы» — помогает понять ограничительные рефлексy Турции. В турецком обществе это вызывает подозрение, что за данным вопросом стоят не столько религиозные соображения, сколько империалистические цели [\[3, с. 1\]](#).

Когда данный подход реализма применяется к отношениям между Турцией и Фанарским Патриархатом, становится очевидным, что этот вопрос необходимо рассматривать не

только в контексте религиозной свободы, но и в контексте борьбы за власть и интересы. Притязания Патриархата на экуменизм и стремление к международному статусу с точки зрения Турции выходят за рамки юридической дискуссии и интерпретируются как конкретное проявление силовой политики в рамках реалистической парадигмы.

Реализм фокусируется на поведении государств, ориентированном на безопасность и суверенитет. В этой теоретической рамке такие понятия, как «естественные границы» или «исторические права», превращаются в инструменты, легитимирующие борьбу государств за власть. Государства, которые считают себя «лишёнными», могут стремиться к расширению на основе этих аргументов с целью обеспечения своей безопасности. Таким образом, требование безопасности становится основанием для легитимации не только оборонительных политик, но и экспансионистских стратегий.

Неореалистический подход Кеннета Уолтца подчёркивает, что государства вынуждены действовать в соответствии с принципом «самопомощи» в анархической международной системе. По мнению Уолтца, в отсутствие центральной власти каждое государство должно самостоятельно взять на себя ответственность за обеспечение своей безопасности [\[4, с. 104\]](#). Эти условия побуждают государства не только защищать своё существование, но и сохранять существующее распределение сил.

В этом контексте можно рассматривать и решение Турции о закрытии Халкинской богословской школы. Закрытие школы в 1971 году было не просто мерой в сфере образования, а результатом рефлекса сохранения существующего статус-кво в условиях напряжённости в отношениях с Грецией и кипрского кризиса. Акцент Уолтца на статус-кво напрямую совпадает с этим решением Турции.

В этом контексте «рефлекс сохранения статус-кво» выделяется как одна из основных моделей поведения государств. Политика Турции в отношении Фанарского Патриархата также может быть интерпретирована в соответствии с этой логикой. Лозаннский договор является в данном контексте поворотным моментом. Во время переговоров турецкая делегация сочла возможность получения Патриархатом международного статуса неприемлемой с точки зрения суверенитета новообразованной Республики и добилась того, что Патриархат был определён исключительно как религиозное учреждение, обслуживающее греческую общину Стамбула.

Эта позиция, в соответствии с принципом реализма «определение интересов через силу», основывалась не на религиозных или идеологических соображениях, а на рефлексе защиты суверенитета. В то же время «локализация» Патриархата стала центральным шагом в построении светского и унитарного государства. Таким образом, в процессе Лозаннской конференции переплелись как логика безопасности и интересов реалистической парадигмы, так и аспект формирования идентичности конструктивистской парадигмы. Настолько, что во время переговоров на Лозаннской мирной конференции турецкая делегация обращала внимание на негативные события, в которых в прошлом был замешан Фанарский Патриархат, и на его пагубную деятельность, но не добились успеха [\[5, с. 61\]](#).

Таким образом, Турция, как и предсказывал Уолтц, сосредоточена на сохранении статус-кво для обеспечения своей безопасности. В этом контексте попытки Фанарского Патриархата интернационализироваться воспринимаются не только как религиозный или юридический спор, но и как угроза существующему порядку, то есть как прямой вызов статус-кво. Одно из наиболее ярких проявлений этого статус-кво-рефлекса произошло во время турецко-греческой напряжённости в 1950–1960-е годы.

События 6–7 сентября 1955 года ещё более усугубили положение Патриархата в Турции, и вместе с греческим меньшинством он стал рассматриваться как потенциальный фактор риска для национальной безопасности. В 1964 году, в период обострения кипрского вопроса, правительственный указ о высылке священнослужителей греческого происхождения привёл к серьёзному ослаблению международного кадрового состава Патриархата.

Эта политика Анкары, как подчёркивал Уолтц, является конкретным примером рефлекса безопасности, направленного на сохранение статус-кво с помощью логики «самопомощи» в анархической системе. В то же время эти события с конструктивистской точки зрения показывают, что Турция формирует ощущение угрозы идентичности, отождествляя греческую идентичность с «внешней греческой угрозой».

Агрессивный реализм Джона Дж. Миршаймера утверждает, что государства по своей природе обладают способностью к агрессии и никогда не могут быть уверены в намерениях других государств [6, с. 7]. Этот подход предполагает существование постоянной атмосферы недоверия в международной системе. В этом контексте становится понятным, почему Турция рассматривает Фанарский Патриархат как потенциальную угрозу не только из-за его нынешней деятельности, но и из-за возможных последствий, которые он может иметь в будущем. Например, поиски Патриархатом международной поддержки — особенно акцентирование его «экуменического» статуса в докладах США и ЕС — воспринимаются Анкарой как козырь, который в дальнейшем может быть использован для вмешательства во внутренние дела Турции. Это полностью соответствует логике «постоянного недоверия, вызванного неопределёнными намерениями», предсказанной агрессивным реализмом Миршаймера.

Наиболее ярким проявлением этого защитного рефлекса на институциональном уровне стало закрытие в 1971 году Халкинской богословской школы. Решение Конституционного суда, предусматривающее невозможность функционирования частных высших учебных заведений вне контроля государства, было расценено не только как мера в сфере образования, но и как мера безопасности в контексте турецко-греческой напряжённости, вызванной кипрским вопросом.

С точки зрения Турции, превращение школы в международный религиозный центр означало потенциальную угрозу, которая могла бы ущемить её суверенные права и быть использована внешними силами в качестве средства вмешательства. В реалистическом контексте это решение стало конкретным проявлением рефлекса сохранения статус-кво, предсказанного Уолтцем, и логики «постоянной готовности к неопределённым намерениям», о которой писал Миршаймер. В то же время формирование идентичности на основе принципа секуляризма послужило нормативной основой для закрытия школы. Таким образом, данный вопрос переплетается как в логике силы и интересов, так и в логике идентичности и дискурса.

Согласно реалистической теории, распределение власти является основной заботой государств, однако акторы стремятся сохранить эту власть и поддерживать существующий баланс [1, с. 53]. В контексте Турции реалистическая перспектива рассматривает Фанарский Патриархат как потенциальную угрозу суверенитету государства. Ведь «экуменический» статус Патриархата, позволяющий ему представлять православные общины как внутри страны, так и за рубежом, даёт возможность напрямую влиять на центральную власть.

Считается, что стратегия Запада в отношении Патриархата носит поэтапный характер. Эта

стратегия предполагает, во-первых, признание экуменического статуса на международном уровне, затем интернационализацию Стамбула и, в конечном итоге, придание Патриархату «статуса, подобного статусу Ватикана» [\[7, с. 239\]](#). Такая перспектива представляет собой для Турции не только вопрос свободы вероисповедания, но и проблему, непосредственно затрагивающую вопросы национальной безопасности и суверенитета.

В рамках реалистической логики каждое государство стремится обеспечить абсолютный контроль над всеми учреждениями и меньшинствами на своей территории. В этом контексте Турция склонна рассматривать стремление Фанарского Патриархата к получению международного статуса или попытки заручиться зарубежной поддержкой не только как институциональное требование, но и как угрозу безопасности, означающую вмешательство во внутренние дела страны. Данный рефлекс безопасности в основном обусловлен необходимостью защиты стратегических интересов Турции и сохранения национального суверенитета.

Действительно, в ежегодно публикуемых Государственным департаментом США отчётах о правах человека и свободе вероисповедания содержатся различные критические замечания в отношении положения Фанарского Патриархата в Турции. В этих отчётах подчёркивается необходимость международного признания «экуменического» статуса Патриархата, и в этом контексте на Турцию оказывается нормативное давление [\[8, с. 10\]](#).

Аналогичным образом, в отчётах о прогрессе, опубликованных Европейским союзом в разное время, также уделяется внимание вопросу о Фанарском Патриархате. В этих отчётах Турции даются различные рекомендации в контексте свободы мысли и вероисповедания, и в частности выражаются ожидания в отношении необходимости признания «экуменического» титула Патриархата [\[9, с. 32\]](#). Таким образом, Патриархат становится центральным элементом нормативного давления со стороны как США, так и ЕС в контексте дискурса о демократизации и правах человека в Турции.

С другой стороны, требования Европейского союза о возобновлении деятельности Халкинской богословской школы воспринимаются Турцией не только как вопрос технического согласования, но и как навязывание идентичности и норм. Светский и унитарный государственный строй Турции вступает в прямое противоречие с подобным рода давлением. Действительно, в то время как открытие Халкинской богословской школы навязывается в качестве критерия ЕС, существует опасность того, что разрешение на её возобновление в процессе вступления Турции в ЕС станет прецедентом для открытия других религиозных школ [\[10, с. 105\]](#).

Стремление Фанарского Патриархата к получению статуса, поддерживаемое международными игроками (США, ЕС и Грецией), рассматривается Анкарой как угроза национальной безопасности. Действительно, реализм именно в этом вопросе, выходя за рамки нормативных дискуссий и религиозных аргументов, предлагает наиболее подходящую теоретическую основу для объяснения поведения государств, ориентированного на силу и интересы.

С реалистической точки зрения Фанарский Патриархат является не только религиозной институцией, но и политическим актором, оцениваемым с позиции суверенитета и безопасности. Притязания Патриархата на экуменизм и стремление к приобретению международного статуса воспринимаются Турцией как угроза неделимости страны, а также как козырь, который может быть использован такими акторами, как США, Европейский Союз и, в особенности, Греция, для вмешательства во внутреннюю

политику. Поэтому ограничение статуса и деятельности Патриархата является для Турции не только юридическим выбором, но и неотъемлемой частью стратегии защиты суверенитета и обеспечения национальной безопасности.

В этом контексте Турция продолжает проводить политику, направленную на то, чтобы определять Фанарский Патриархат как «внутренний вопрос» и препятствовать получению им титула «экуменического». Такой подход представляет собой реакцию, соответствующую логике борьбы за власть, предусмотренной реализмом. Притязания Патриархата на экуменизм рассматриваются как угроза национальному суверенитету в свете исторических чувствительных моментов, усугублённых поддержкой немусульманских общин внешними силами в последние годы существования Османской империи. В частности, напряжённость в отношениях с Грецией усиливает опасения по поводу того, что Патриархат может быть использован в качестве разменной монеты на международной арене.

Кроме того, регулярное упоминание Патриархата в ежегодных отчётах США о свободе вероисповедания с реалистической точки зрения рассматривается как средство геополитического давления на Турцию. Анкара воспринимает эти заявления как попытку вмешательства во внутренние дела и разрабатывает политику, ограничивающую международную активность Патриархата. Таким образом, вопрос о Патриархате является конкретным проявлением продолжающейся борьбы за власть между Турцией и внешними игроками. Стратегия Турции заключается в том, чтобы сохранить Патриархат на уровне местной религиозной институции и не допустить его превращения в международный религиозный авторитет.

В 2000-х годах доклады Европейского союза о прогрессе и ежегодные доклады США о свободе вероисповедания постоянно держали вопрос о Фанарском Патриархате на повестке дня, усиливая нормативное давление на Турцию. В этих отчётах выдвигались требования о возобновлении деятельности Халкинской богословской школы, признании Патриархата в качестве юридического лица и признании титула «экуменический» на международном уровне.

С точки зрения Анкары, эти требования воспринимались как попытки, выходящие за рамки национального суверенитета и представляющие собой вмешательство во внутренние дела страны. С реалистической точки зрения эта ситуация является отражением геополитического давления на Турцию; с конструктивистской точки зрения она представляет собой конкретный пример стремления ЕС и США придать Патриархату международный статус посредством нормативных дискурсов, таких как права человека, права меньшинств и религиозный плюрализм.

Таким образом, период после 2000 года наиболее явно объединил в себе как аспект борьбы за власть, так и аспект конфликта нормативных идентичностей в вопросе о Патриархате.

1.2. Вклад конструктивизма: идентичность, нормы и дискурс

Акцент реализма на силе и расчёте интересов, хотя и предоставляет важную основу для объяснения политики Турции в отношении Фанарского Патриархата, сам по себе недостаточен. Ведь вопрос о Патриархате формируется не только в контексте баланса сил, но и в рамках исторической памяти, конструирования идентичности и нормативных конфликтов. Дискурс Турции в отношении Патриархата основан не только на рефлексх государства в области безопасности, но и на идеологических установках, таких как защита национальной идентичности и поддержание принципов секуляризма. Поэтому

реалистическая парадигма, сосредоточенная исключительно на борьбе за власть, не способна в полной мере объяснить положение Патриархата на международной арене и нормативные взаимодействия между различными акторами.

Именно в этом отношении конструктивизм предоставляет дополняющую перспективу. Конструктивистский подход утверждает, что в международной политике интересы и восприятие угроз формируются не только материальными отношениями силы, но и дискурсами, идентичностями и нормами. Конструктивизм, исходящий из того, что идентичности составляют основу интересов, отмечает, что у акторов нет заранее заданного «портфеля» интересов, а интересы определяются в процессе интерпретации ситуации [\[11, с. 231\]](#). Таким образом, в примере с Патриархатом интересы Турции не являются заранее данной реальностью, а воспроизводятся в рамках исторической памяти и идеологической структуры национальной идентичности.

Это идентичностное построение укрепляется не только дипломатическими заявлениями, но и комментариями в СМИ, внутренней политике и международном праве. Во время событий 6–7 сентября 1955 года заголовки в прессе связывали Фанарский Патриархат с «греческим заговором» и «угрозой национальной безопасности», усиливая в общественном сознании восприятие Патриархата как фактора национального риска [\[12, с. 45\]](#). Турция сформировалась как светское национальное государство [\[13, с. 25\]](#). Эта философия основания страны определила притязания Патриархата на экуменизм не только как теологическую дискуссию, но и как вызов идентичности, направленный против основополагающих принципов Республики. В соответствии с данной риторикой положения Лозаннского мирного договора были интерпретированы таким образом, что Патриархату не был предоставлен какой-либо международный статус, что стало частью идентичностного и нормативного строительства [\[14, с. 25\]](#).

Эти основополагающие принципы, в рамках которых Патриархат определяет себя как «экуменическую» власть, бросают вызов идентичности, сконструированной Турцией, и прямо противоречат пониманию национального суверенитета. В этом контексте то, как стороны определяют друг друга с точки зрения идентичности, во многом предопределяет характер конфликта. Таким образом, вопрос о Патриархате — это не только борьба за власть, как это предусмотрено реалистической парадигмой, но и поле противостояния, где пересекаются идентичности, нормы и дискурсы.

В конструктивистском анализе отношений между Турцией и Фанарским Патриархатом видно, что позиции сторон формируются не только на основе материальных интересов или соображений безопасности, но главным образом на основе социально сконструированных идентичностей и нормативных рамок. Кемализм — идеология-основатель Турецкой Республики — и движения меньшинств, возникшие в период распада Османской империи, сформировали идентичность государства как «светского и унитарного национального государства». Эта идентичность основана на менталитете, отвергающем вмешательство религиозных авторитетов в политическую сферу, подчёркивающим абсолютный внутренний суверенитет и воспринимающим любое этническое или религиозное сепаратистское движение как угрозу самому существованию.

В противовес этому Фанарский Патриархат сформировал институциональную идентичность, присвоившую себе византийское наследие и определившую себя как «Вселенский патриарх». Эта идентичность предполагает претензию на духовное лидерство не только над греческой православной общиной в Турции, но и над

православными общинами во всём мире. Таким образом, притязание Патриархата на универсальную религиозную власть прямо противоречит пониманию Патриархата как «местной религиозной институции», ограниченной национальными границами Турции.

Одним из важных факторов в отношениях между Турцией и Фанарским Патриархатом является нормативная риторика международных акторов. Отчёты Европейского союза о прогрессе и оценки Соединённых Штатов Америки в отношении религиозных свобод выносят статус Патриархата на повестку дня, оказывая нормативное давление на Турцию. Такие внешние дискурсы в большинстве случаев воспринимаются Турцией как «вмешательство во внутренние дела» и усиливают защитные рефлекс, питаемые национальной идентичностью.

Если рассматривать этот вопрос с конструктивистской точки зрения, то следует отметить определяющую роль международных норм. Нормы, как «коллективные ожидания, определяющие соблюдение определённых стандартов поведения», формируют действия государств, легитимируют их или осуждают [\[15, с. 891\]](#). В этом контексте нормы напрямую влияют на то, как государства определяют свои интересы и какие виды поведения считаются приемлемыми. Нормативная трансформация в большинстве случаев происходит благодаря усилиям инициаторов норм и посредничеству международных институтов.

Конструктивистский подход, вместо того чтобы объяснять данный процесс исключительно борьбой за власть или расчётами интересов, учитывает взаимное формирование идентичностей, роль нормативных ожиданий и влияние международных дискурсов. Таким образом, он позволяет интерпретировать политику Турции в отношении Фанарского Патриархата не столько как результат стремления к суверенитету, сколько как продукт идентичностных конфликтов и нормативных взаимодействий.

2 . 2 . Пример Халкинской богословской школы: чувствительность к вопросам суверенитета и конфликт идентичности

2.1. Реалистическая перспектива: суверенитет и рефлекс безопасности

Вопрос о Халкинской богословской школе является одним из важнейших предметов дискуссии в Турции не только в контексте религиозных свобод, но и в рамках чувствительности к вопросам суверенитета и безопасности. История школы тесно связана с международными событиями и внутренней политической динамикой. Особенно в годы холодной войны напряжённость в турецко-греческих отношениях, кипрский вопрос и притязания Фанарского Патриархата на экуменизм вывели функции этого учреждения за рамки чисто образовательной деятельности. Таким образом, дискуссии о закрытии или повторном открытии школы напрямую связаны с рефлексами национальной безопасности Турции и её положением в международной системе.

Вопрос о закрытии Халкинской богословской школы, если рассматривать его в контексте реалистического подхода к вопросам суверенитета и безопасности, выходит за рамки дискуссии об образовательном учреждении и напрямую связан с экзистенциальными проблемами государства. Решение Конституционного суда Турции 1971 года запретило частным высшим учебным заведениям функционировать вне контроля государства, и в связи с этим школа была закрыта. Однако это решение являлось не только образовательной мерой, но и отражением турецко-греческой напряжённости, усилившейся в контексте кипрского вопроса того периода. Существовало устойчивое мнение о том, что приобретение школой международного статуса могло быть

использовано как инструмент вмешательства во внутренние дела Турции [\[16, с. 2439\]](#).

Рост числа иностранных студентов в Халкинской школе с 1960-х годов был истолкован как отход от её первоначальных целей и превращение в структуру, обслуживающую экуменические притязания Фанарского Патриархата. По этой причине 30 мая 1963 года общим распоряжением решение 1951 года было отменено. Несмотря на усилия патриарха Афинагораса преобразовать школу в теологический факультет, длительное время утверждалось, что учреждение «служит греческим национальным идеалам». В 1971 году, в соответствии с решением Конституционного суда, школа была включена в процесс закрытия частных высших учебных заведений и с 9 июля 1971 года фактически прекратила своё существование, утратив юридический статус [\[17, с. 200\]](#).

Оценки Турции в тот период о том, что Халкинская богословская школа «служит греческим национальным идеалам», являются отражением реалистичной логики восприятия потенциальных угроз в международной системе на внутреннюю политику. Ведь согласно реализму, государства находятся в постоянной готовности не только к существующим угрозам, но и к потенциальным угрозам. Поэтому Халкинская богословская школа рассматривалась не только как религиозное учреждение, но и как элемент, который мог бы открыть дверь для возможных сепаратистских движений или иностранного вмешательства.

На последнем этапе, в 1971 году, в рамках решения Конституционного суда о закрытии частных высших учебных заведений, закрытие Халкинской богословской школы свидетельствует о том, что Турция приняла решение, приоритезирующее национальную безопасность, руководствуясь реалистическим подходом. Эта ситуация соответствует стратегии государства по защите своих интересов и укреплению суверенитета в условиях анархичной природы международной системы. Таким образом, вопрос о Халкинской богословской школе является примером, который можно объяснить логикой «борьбы за власть и защиты суверенитета», предусмотренной реалистической теорией.

С точки зрения Турции, вопрос о Халкинской богословской школе был интерпретирован в контексте защиты светского правопорядка и обеспечения национального суверенитета. Требование Патриархии о возобновлении работы школы рассматривалось в совокупности с намерением создать «международный центр теологии» и воспринималось как привилегия, выходящая за рамки суверенных прав, закреплённых Лозаннским договором [\[18, с. 127\]](#).

Поэтому отказ государства удовлетворить данное требование может быть объяснён как проявление рефлекса сохранения статус-кво, являющегося одним из ключевых постулатов реализма. В этом контексте решение Анкары о закрытии школы было продиктовано не только внутренними правовыми нормами, но и стремлением сохранить региональный баланс сил.

Закрытие Халкинской богословской школы, помимо устранения угроз безопасности, также предотвратило возможность её открытия как высшего учебного заведения, полностью подчинённого Патриархии. Такая перспектива, по мнению Анкары, представляла серьёзный риск для принципа конституционного равенства в Турции и создавала бы привилегии, не предоставляемые даже мусульманскому большинству [\[19, с. 383\]](#).

Таким образом, вопрос о повторном открытии Халкинской богословской школы рассматривается как потенциальная угроза не только в контексте защиты прав

меньшинств, но и в плане сохранения неделимой целостности и национальной безопасности Турции.

2.2. Конструктивистская перспектива: светскость и борьба за идентичность

Конструктивистский подход рассматривает вопрос о Халкинской богословской школе как процесс формирования идентичностей и интересов посредством социального взаимодействия. Официальная риторика Турции подчеркивает, что Патриархия является лишь «местной институцией, удовлетворяющей религиозные потребности греческих граждан Турции», в то время как Патриархия продолжает свои усилия по укреплению своей экуменической идентичности [20, с. 24]. В этом контексте дискуссия об открытии школы является проявлением конфликта идентичностей между рамками понимания секуляризма в Турции и претензиями Патриархии на экуменизм. Контроль со стороны государства, основанный на принципе секуляризма, направлен на предотвращение создания религиозными учреждениями независимой власти в публичной сфере. Требования Патриархии же выходят за эти рамки и указывают на стремление к созданию международной религиозной идентичности. Фактически эти требования можно рассматривать как поиск статуса за пределами внутреннего правопорядка Турции.

В то же время официальная позиция Турции отвергает утверждение об «экуменичности» как концепцию, не имеющую правового обоснования в Лозаннском договоре [21, с. 2]. Эта позиция является результатом стремления Турции сохранить свою национальную идентичность, основанную на принципе секуляризма. Признание Патриархата в качестве экуменической власти противоречит унитарному и светскому государственному устройству Турции. Сдержанный подход Анкары к требованиям о возобновлении деятельности Халкинской богословской школы также основан на принципе светскости. В Конституции Турции четко указано, что религиозное образование может осуществляться только под контролем государства. Поэтому открытие школы под контролем Патриархии и с международным статусом рассматривается не только как вопрос образования, но и как нормативное требование, противоречащее идентичности национального государства.

Таким образом, с точки зрения конструктивизма, этот вопрос можно рассматривать как борьбу за идентичность между процессом формирования национальной идентичности Турции на основе принципов секуляризма и унитарного государства и укреплением международной идентичности Патриархии на основе экуменизма.

Заключение

Отношения между Турцией и Фанарским патриархатом являются одним из наиболее ярких примеров, на которых можно проверить объясняющую силу теорий международных отношений. Реалистическая перспектива объясняет политику Анкары, выдвигая на первый план лежащие в основе этих отношений соображения безопасности, суверенные рефлексы и стремление к балансу сил. Притязания Патриархии на экуменический статус и стремление к международной легитимности рассматриваются Турцией не только как вопрос религиозной свободы, но и как стратегическая проблема, непосредственно угрожающая национальной целостности. Историческая память, унаследованная от Османской империи, региональные напряжения, такие как кипрский кризис, и внешнее давление со стороны международных отчетов являются факторами, которые постоянно поддерживают реалистические рефлексы Турции.

Научная новизна данной работы заключается в углублённом анализе отношений между Турцией и Фанарским патриархатом с использованием как реалистической, так и

конструктивистской перспектив. В то время как предыдущие исследования в основном ограничивались описанием правового статуса Патриархии или отдельных исторических событий, в данной статье логика реализма, направленная на «сохранение статус-кво», и акцент конструктивизма на «формировании идентичности и норм» рассматриваются совместно и представлены как взаимодополняющие объяснительные рамки. Таким образом, проблема Патриархии осмысливается не только в контексте религиозных свобод или внешнеполитического давления, но и как многослойное явление, находящееся на пересечении вопросов безопасности, национальной идентичности и международных норм. В этом отношении работа подчёркивает важность теоретического плюрализма в международных отношениях и вносит оригинальный вклад в литературу, посвящённую изучению влияния религиозных институтов на международную политику.

Конструктивистский подход, однако, показывает, что данный вопрос не может быть объяснён исключительно с точки зрения силы и интересов; идентичности, дискурсы и нормы также оказывают влияние на этот процесс. Определение Патриархии Турцией как «местного религиозного учреждения» свидетельствует о воспроизводстве национальной идентичности на светской и унитарной основе. В то же время «экуменический» статус Патриархии бросает вызов данному конструированию идентичности и находит поддержку в международных нормативных рамках. В этом контексте проблема представляет собой не только борьбу за статус-кво, ориентированную на безопасность, но и многомерное международное конфликтное пространство, в котором пересекаются идентичности и нормы.

Возникающая картина показывает, что реализм и конструктивизм предлагают не взаимоисключающие, а взаимодополняющие перспективы. Реализм объясняет, почему Турция постоянно стремится сохранить статус-кво, а конструктивизм демонстрирует, через какую историческую память, конструирование идентичности и нормативные дискурсы этот статус-кво легитимируется. Заккрытие Халкинской богословской школы, отчёты Европейского союза о прогрессе, акцент США на свободе вероисповедания и международные инициативы Патриархии выступают конкретными проявлениями данного многослойного конфликта.

В результате отношения между Турцией и Фанарским греческим патриархатом демонстрируют ограниченность одномерных объяснений в области международных отношений и подтверждают необходимость теоретического плюрализма. Данный вопрос представляет собой динамичную сферу, в которой безопасность, идентичность и нормы оказываются взаимосвязанными; историческая память формирует современную политическую практику; национальный суверенитет и международное нормативное давление находятся в состоянии постоянного конфликта. Таким образом, дискуссия о Патриархии предоставляет важные уроки не только для внутренней политической повестки Турции, но и для оценки применимости теорий международных отношений на глобальном уровне.

Библиография

1. Morgenthau, H. J., Thompson, K. W. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 6th ed. New York: Alfred A. Knopf, 1985. 659 p.
2. Yaşın, G. K. Fener Rum Patrikhanesi'nin Hukuki Statüsü // *Avrasya İncelemeleri Merkezi (AVİM) Analiz*. 2022. № 2022/23. С. 1-7.
3. Koç, Y. *Emperyalizm ve Patrikhane* // *Jeopolitik Dergisi*. 2007. № 1. С. 1-5.
4. Waltz, K. N. *Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*. New York: Columbia University Press, 2018. 263 p.

5. Şahin, S. Fener Rum Ortodoks Patrikhanesi // Diyanet Dergisi. 1992. T. 28. C. 37-73.
6. Mearsheimer, J. J. The False Promise of International Institutions // International Security. 1994–1995. Vol. 19, № 3. P. 5-49.
7. Çelik, M. Fener Patrikhanesi'nin Batı Destekli Ökumeniklik İddialarının Siyasal Açından Türkiye İçin Doğurduğu Tehlikeler // Beşinci Askeri Tarih Semineri Bildirileri. T. 1. 1996. C. 226-242.
8. U.S. Department of State. Turkey 2021 International Religious Freedom Report. Washington, DC: Office of International Religious Freedom, 2022. 26 p.
9. European Commission. Türkiye 2023 Report. Brussels: European Commission, 2023. 141 p.
10. Yalçın, E. Heybeliada Ruhban Okulu Yeniden Açılabilir mi? // Cumhuriyet Tarihi Araştırmaları Dergisi (CTAD). 2013. T. 9, № 17 (Bahar). C. 105-134.
11. Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 433 p.
12. Vryonis, S. The Mechanism of Catastrophe: The Turkish Pogrom of September 6-7, 1955, and the Destruction of the Greek Community of Istanbul. New York: Greekworks, 2005. 659 p.
13. Ahmad, F. Modern Türkiye'nin Oluşumu. İstanbul: Kaynak Yayınları, 1995. 296 p.
14. Özel, S. Hukuki Açından Heybeliada Ruhban Okulu Meselesi // İstanbul Üniversitesi Hukuk Fakültesi Mecmuası. 2011. T. 64, № 1 (Temmuz). C. 25-48.
15. Finnemore, M., Sikkink, K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. 1998. Vol. 52, № 4 (Autumn: International Organization at Fifty). P. 887-917.
16. Yellice, G. The Halki Theological School Issue: The Closure of the School Amidst the Cyprus Crisis and Its Repercussions in Greece, 1955–1971 // Vakanüvis – Uluslararası Tarih Araştırmaları Dergisi. 2024. T. 9. C. 2437–2480. DOI: 10.24186/vakanuvis.1557727.
17. Gökçen, S. Fener Rum Patrikhanesi'nin Hukuki Statüsü ve Heybeliada Ruhban Okulu'nu Açtırma Girişimleri // Atatürk Dergisi. 2010. T. 5, № 1 (Şubat). C. 185-222.
18. Yalçın, E. Heybeliada Ruhban Okulu'nun Yeniden Açılması // Atatürk Yolu Dergisi. 2008. T. 11, № 41 (Ocak). C. 125-158.
19. Yıldırım, Y. D. D. M. Düünden Bugüne Heybeliada Ruhban Okulu Sorunu ve Etrafındaki Tartışmalar // Çukurova Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2006. T. 15. C. 383-399.
20. Macar, E., Gökaçı, M. A. Heybeliada Ruhban Okulu'nun Geleceği Üzerine Tartışmalar ve Öneriler. İstanbul: TESEV Yayınları, 2005. 56 p.
21. Özel, S. Avrupa Konseyi Parlamenterler Meclisinin Türkiye ve Yunanistan'daki Azınlıklarla İlgili Din Özgürlüğü ve Diğer İnsan Hakları ile İlgili Kararı Üzerine Bir Değerlendirme // Avrupa Araştırmaları Dergisi. 2010. № 18. C. 1-35.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают отношения между Турецкой Республикой и Константинопольским Вселенским Патриархатом как многоуровневый феномен международной политики, в котором пересекаются проблемы государственного суверенитета, религиозной автономии, исторической памяти и геополитических интересов региональных и глобальных акторов, рассматриваемый через призму реалистической и конструктивистской парадигм теории международных отношений.

Рецензируемая работа обладает высокой научной актуальностью в контексте современных дискуссий о роли религиозных институтов в международной политике, особенно в условиях возрастающего влияния факторов идентичности на межгосударственные отношения, усиления геополитической конкуренции в регионе Восточного Средиземноморья и необходимости переосмысления классических подходов к анализу конфликтов между светскими государствами и транснациональными религиозными организациями. Практическая значимость исследования обусловлена тем фактом, что его результаты могут быть применены для разработки более эффективных стратегий урегулирования аналогичных конфликтов между государственным суверенитетом и религиозными притязаниями, для прогнозирования развития турецко-греческих отношений в религиозно-культурной сфере, а также для выработки рекомендаций международным организациям по работе с вопросами религиозных меньшинств и свободы вероисповедания в контексте национальной безопасности. К сожалению, сам автор, довольно обстоятельно рассмотрев различия между двумя ключевыми подходами в теории международных отношений, ничего не говорит о методологии собственного исследования. Но из контекста можно понять, что в основу работы был положен комплексный подход, сочетающий сравнительный анализ двух ведущих парадигм теории международных отношений – классического и неореализма (Моргентау, Уолтц, Миршаймер) с одной стороны, и социального конструктивизма – с другой. Автор применил метод *case study*, фокусируясь на отношениях Турции с Фанарским Патриархатом как репрезентативном примере для тестирования объяснительных возможностей обеих теоретических школ. Эмпирическая база включила широкий круг источников: исторические документы (включая материалы Лозаннской конференции), официальные заявления турецкого правительства, международные отчеты (ЕС, США), решения судебных органов, а также вторичные академические источники. Методологически работа строится на принципе теоретического плюрализма, демонстрируя комплементарность различных объяснительных подходов. Вполне корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны и достоверности. Прежде всего, речь идет о концептуализации взаимодополняющей природы реалистической и конструктивистской объяснительных моделей: в работе показано, что в случае турецко-патриаршего конфликта реалистическая парадигма объясняет каузальные механизмы формирования государственной политики безопасности и сохранения статус-кво, тогда как конструктивистский подход раскрывает процессы легитимации этой политики через историческую память, национальную идентичность и нормативные дискурсы, что опровергает традиционное противопоставление этих теоретических школ как взаимоисключающих. Кроме того, выявлена и теоретически обоснована многоуровневая архитектура современного религиозно-политического конфликта: доказано, что спор вокруг статуса Константинопольского Патриархата представляет собой не локальную проблему религиозных свобод, а сложносоставной феномен, в котором одновременно проявляются логика национальной безопасности, процессы идентичностного конструирования, механизмы международного нормативного давления и геополитическая конкуренция, что требует пересмотра традиционных подходов к категоризации подобных конфликтов. Наконец, установлена и концептуализирована историческая преемственность паттернов восприятия религиозных угроз: в статье продемонстрировано, как османский исторический опыт инструментализации религиозных институтов внешними силами сформировал устойчивую когнитивную модель восприятия Патриархата в качестве потенциального агента иностранного влияния, которая была транслирована в республиканский период и продолжает определять логику современной турецкой политики, что вносит вклад в понимание роли

исторической памяти в формировании внешнеполитических предпочтений. В структурном плане рецензируемая работа производит положительное впечатление: ее логика последовательна и отражает основные аспекты проведенного исследования. Хотя в нумерации разделов есть погрешности: нумерация подразделов дублирует нумерацию основных разделов («1.1.», «2.2.» и т. д.) Это нужно исправить ДО публикации статьи. В тексте выделены следующие разделы: - «Введение», где ставится научная проблема, обосновывается актуальность ее исследования, аргументируется выбор отношений Турции с Фанарским Патриархатом как эмпирически богатого и теоретически значимого случая для проверки объяснительных возможностей обеих школ, а также формулируется исследовательская стратегия, направленная на выявление комплементарности различных теоретических подходов; - первый из двух содержательных разделов «Спор между реализмом и конструктивизмом», состоящий из двух подразделов – «Объяснительная сила реализма», где раскрывается реалистическое понимание турецкой политики в отношении Патриархата через ключевые концепты борьбы за власть, защиты суверенитета и обеспечения национальной безопасности, а также демонстрируется, как исторический опыт взаимодействия Османской империи с религиозными институтами в контексте внешних вмешательств сформировал устойчивые рефлексии современного турецкого государства, направленные на сохранение существующего статус-кво и предотвращение интернационализации внутренних религиозных вопросов; и «Вклад конструктивизма, где представлена альтернативная объяснительная перспектива, сфокусированная на процессах социального конструирования идентичностей, норм и дискурсов, показано, как светская и унитарная национальная идентичность современной Турции вступает в противоречие с экуменическими притязаниями Патриархата, а также анализируется роль международного нормативного давления в формировании позиций сторон конфликта; - второй содержательный раздел «Пример Халкинской богословской школы», также состоящий из двух подразделов – «Реалистическая перспектива: суверенитет и рефлекс безопасности», где анализируется закрытие Халкинской богословской школы в 1971 году как конкретное проявление реалистической логики защиты национального суверенитета и обеспечения безопасности, особенно в контексте турецко-греческой напряженности и кипрского кризиса того периода; и «Конструктивистская перспектива: светскость и борьба за идентичность», где рассматривается тот же случай через призму конфликта идентичностей между принципом секуляризма как основой турецкой национальной идентичности и экуменическими притязаниями Патриархата, демонстрируя, как вопрос образования становится полем столкновения различных нормативных систем; - «Заключение», где синтезируются основные результаты исследования, концептуализируется взаимодополняющий характер реалистической и конструктивистской объяснительных моделей, обосновывается тезис о многоуровневой природе изучаемого конфликта и раскрывается эвристическая ценность теоретического плюрализма для понимания сложных процессов современной международной политики, особенно в сфере взаимодействия религиозных и политических институтов. Стиль рецензируемой статьи научно-аналитический. В тексте встречается некоторое количество стилистических (например, встречаются излишне длинные и тяжеловесные конструкции вроде «Вопрос о закрытии Халкинской богословской школы, если рассматривать его в контексте реалистического подхода к вопросам суверенитета и безопасности, выходит за рамки дискуссии об образовательном учреждении и напрямую связан с экзистенциальными проблемами государства»; или не совсем корректное употребление некоторых слов, как в предложении «...Приоритеты Анкары... показывают, что этот вопрос формируется не только в контексте религиозных свобод, но и на геополитическом и идентичностном уровнях» [выражения «в контексте» и «на

уровнях» – рец.]; или злоупотребление некоторыми выражениями (так, выражение «в этом контексте» встречается в тексте 14 раз!); и др.) и грамматических (например, несогласованные или плохо согласованные предложения «Различие между этими двумя подходами заключается в том, можно ли свести международную политику только к борьбе за власть или следует учитывать процессы социального конструирования»; и др.) погрешностей, но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем русском языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 21 наименование, в основном источники на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по проблематике статьи. Хотя и могла бы быть существенно усилена за счет использования русскоязычных источников. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части статьи. В числе безусловных достоинств рецензируемой работы можно отметить историческую глубину и эмпирическую обоснованность выводов. Исследование опирается на солидную источниковедческую базу, охватывающую период от поздней Османской империи до современности, что позволило автору проследить генезис современных противоречий, выявить их глубинные исторические корни и избежать поверхностных, конъюнктурных объяснений, характерных для многих работ по актуальной политической проблематике, при этом исторический материал не просто иллюстрирует теоретические положения, но органично интегрирован в аналитическую структуру работы. Автор продемонстрировал глубокое знание классических и современных работ по теории международных отношений, умело оперируя концептуальным аппаратом ведущих теоретиков (Ганс Моргентау, Кеннет Уолтц, Джон Миршаймер), и последовательно применил их теоретические построения к анализу конкретного эмпирического материала, создавая убедительную и логически стройную аналитическую конструкцию, которая избегает эклектизма и демонстрирует высокий уровень академической культуры.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью, несмотря на некоторые ее недостатки, можно квалифицировать в качестве научной работы, отвечающей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут интересны для политологов, социологов, специалистов в области мировой политики и международных отношений, экспертов по современной истории Турции и турецко-греческих отношений, а также для студентов и аспирантов перечисленных специальностей. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации после устранения ошибки в нумерации разделов, а также стилистических и грамматических погрешностей.